

КОНФЛИКТ КЛАССА С УЧИТЕЛЕМ- ПРЕДМЕТНИКОМ

В ПОИСКАХ КОМПРОМИССА

Вадим Слуцкий,

педагог, писатель,
г. Петрозаводск, Карелия

К любому конфликту, считает автор, стоит отнестись творчески — как к возможности чему-то научиться и что-то изменить к лучшему. Причём всем трём сторонам: и ученикам, и учителю, и классному руководителю.

Это письмо я получил несколько недель тому назад. Автора письма не знаю, но думаю, что это хорошая учительница, раз её волнуют проблемы взаимоотношений с детьми. Вот что она пишет:

«Дайте мне совет: что мне делать с моим классом? Я классный руководитель, они уже большие (9 класс). Очень любят качать права, постоянно ссорятся с учителями. Я устала от этого смертельно. Как сделать так, чтобы они стали более терпимыми, жили мирно со своими преподавателями? Что посоветуете мне?»

Я решил ответить на страницах журнала и этой учительнице, и всем классным руководителям, кому приходится улаживать конфликты между своим классом и предметниками.

Ни для кого не секрет: классному руководителю часто приходится в ситуации конфликта между «своими» детьми и кем-нибудь из учителей выступать в роли Подушки. Обе стороны порой настроены довольно агрессивно: приходится вклиниваться между ними, дабы они «молотили кулаками» всё-таки не друг друга, а — Подушку.

Между тем, как это ни странно, любой конфликт — это возможность что-то изменить к лучшему. Что-то понять, взглянуть по-новому на себя и других. Хотя в то же время это и риск — риск стать хуже, сделать что-то недостойное.

Можно сказать, что бесконфликтность – ситуация хотя и безопасная, но неконструктивная. Ничего не меняется ни к худшему, ни к лучшему – ничего и не может измениться. Стабильность. Или застой.

А конфликт – это всегда какой-то сдвиг, какие-то изменения. И будет ли это изменение к лучшему или к худшему, зависит от нас самих. Так что к любому конфликту стоит отнестись творчески: как к возможности что-то изменить.

* * *

Это произошло лет десять тому назад. У меня было классное руководство в десятом лингвистическом классе, в одном из самых, как сейчас говорят, продвинутых учебных заведений нашего города, по статусу – лицее. Что это был за класс? Из 25 человек четверо имели по русскому языку оценку «4», остальные – «5». Все болтали по-английски, как по-русски.

Хотя я был их классным руководителем, но никаких уроков у них не вёл (так там принято). Русский язык и литературу вела у них Мария Ивановна, пожилая учительница. Муж её тогда не работал (дефолт и прочие прелести), сын и дочь – студенты. Так что она содержала троих человек. И она взяла 40 (!) часов в неделю. Ей дали – вошли в положение. Но, конечно, готовиться к урокам она была не в состоянии.

И вот как-то прибегают ко мне мои «продвинутые англича-

не» во главе с главной заводилой во всех подобных делах, Майей.

Произошло вот что. Мария Ивановна в начале урока русского языка сказала, что повторить тему лучше всего по таблице, и стала её диктовать. Майя ей говорит:

– Да вы нам дайте её, мы себе сделаем ксерокопии.

А Мария Ивановна на неё раскричалась:

– Делай, что тебе сказано! Ты еще тут умничать будешь! Кто тут учитель: ты или я?

Во всяком случае, так передала её слова Майя. И, конечно же, Майя была страшно возмущена: что это такое, она нас не уважает, обращается с нами, как с маленькими и т.д. и т.п.

Я её терпеливо выслушал. Майя не так грозна на деле, как на словах – ей только нужно дать выпустить пар. И я дал. Подождал, пока она сама замолчит. А с ней, кстати, пришли ещё полкласса.

Я их спрашиваю:

– Как выглядит Марья Ивановна?

(Это такой приём: сделать или сказать что-нибудь совершенно неожиданное, чтобы выбить собеседника из роли.) Они удивились и, конечно, на вопрос ответить не смогли.

– Я задаю простой вопрос. Вы сейчас на уроке все видели Марию Ивановну, так? Можете сказать, как она выглядит? У неё не все в порядке со здоровьем, поэтому я спрашиваю.

Они – в недоумении. Майя опять разозлилась, теперь уже на меня.

– Да какое это имеет значение, как она выглядит? Мы же вам не о том говорим!

– Да, это я прекрасно понял. Вы говорите только о себе, а я вас спрашиваю о другом человеке. Вы смотрели на Марию Ивановну битых сорок пять минут – и не можете сказать, как она выглядит?

Тут открыла рот Аня, самый молчаливый, но, как часто бывает, и самый внимательный и наблюдательный человек в классе.

– Бледная она очень. Наверное, плохо себя чувствует.

– Ну и не надо было вообще на уроки приходить, – сразу отреагировала Майя. – Обошлись бы без неё. Я на её уроки вообще больше не пойду!

– Ну хорошо, не ходи. Я тебе персонально разрешаю. Но учти: ты ничего не поняла. И эту проблему ты всюду будешь носить с собой. Так что неважно, пойдёшь ты на русский язык или нет – тебе все равно будет хуже.

Тут уже она обиделась.

– Да чего, интересно, я не понимаю? Просто она недобросовестный человек, вот и все!

– Ничего подобного! Я знаю Марию Ивановну давно: она очень добросовестный человек. Но к этому уроку она действительно была не готова.

– Вы же сами себе противоречите: говорите, что добросовестная, а к уроку не готова – как же это может быть?

– А вот так. У неё 40 часов в неделю. Плюс проверка тетрадей. Она одна кормит, кроме себя, мужа и детей. Да, я согласен, она сегодня повела себя неправильно. Конечно, нельзя так тратить время урока. И так разговаривать с тобой она не должна была. Но ты ошибаешься: это не от неуважения к тебе, а от усталости. Она просто смертельно устала, поэтому не нашлась, что тебе ответить. Это тебе понятно?

– Ну, ладно, допустим, понятно...

– Говорю тебе ещё раз: не хочешь ходить на русский – не ходи. Но ты всё равно будешь всюду таскать с собой свою слепоту, свой детский эгоизм: убеждённости в том, что все тебе должны, все для тебя должны быть хорошими – а ты ни для кого.

Она замолчала. Нахмурилась. Вижу, что очень обиделась. Я продолжил:

– Мария Ивановна, конечно, неправа. Но можете вы, здоровые, молодые, благополучные люди, простить пожилого смертельно усталого больного человека? Или вы на это не способны?

– А она у нас прощения не просила...

– А вам очень нужно, чтобы попросила? Она прекрасно понимает, что вела себя неправильно. Но она советская учительница: ей трудно признаться. Так вы можете её простить просто так или нет? Вы взрослые люди или всё ещё маленькие эгоистичные дети?

– Конечно, можем. Мы на неё и не сердимся.

– Я был уверен в таком ответе. Давайте мы так решим: вы правы, а она не права. Но вы её прощаете. Потому что вы люди и вы вошли в её положение. Вот и всё. А ты (это Майе) можешь на её уроки не ходить. Спросит, на каком основании, – скажешь, я разрешил. Персонально. Всё, до свиданья!

После этой беседы Майя со мной недели две не разговаривала. Но на уроки русского языка ходила. И видно было, что что-то в ней происходит, какой-то внутренний процесс.

И класс мой после этого слушая с Марьей Ивановной больше не ссорился, отношения у них становились всё теплее. Когда они заканчивали школу, Марья Ивановна была уже в числе их любимых учителей. Она добрая. А это ведь важнее всего. И это они в конце кон-

цов в ней разглядели. Несмотря на свою «продвинутость» и свой блестящий английский.

И тот конфликт, я уверен, большинству из них пошёл на пользу. То, что они тогда поняли, важнее любых «английских» и «русских».

* * *

Так что моё мнение вот какое. То, что современные дети любят качать права, само по себе неплохо. Этим они отличаются в лучшую сторону от нас, советских детей, понятия не имевших ни о каких своих правах. А эти знают, что у них права есть и их можно отстаивать. Но в то же время они по-детски эгоистичны, не имеют, а часто и не хотят понимать других. Конфликт с учителем – это возможность их чему-то научить. Надо использовать эту ситуацию. И тогда мы перестанем бояться конфликтов.

От редакции

Когда классный руководитель вынужден разбираться в конфликте между своим классом и своими коллегами, всё его внимание уходит на одно: как погасить конфликт.

А погасить его надо любой ценой: чтобы не только детям и учителям-предметникам жилось спокойно, но чтобы и самому жилось спокойно. Да оно и понятно: по-настоящему хорошо и продуктивно работает только в дружественной атмосфере.

Ну а что, если не спешить гасить конфликт? Для начала к нему присмотреться – откуда он берётся и как разрастается? И все ли способы хороши для поддержания обманчивой школьной «стабильности»?..

У каждого из вас наверняка на памяти не одна история, когда вам пришлось быть в роли конфликтолога. Очень ждём ваших рассказов, откликов, размышлений.

